

Секция «История политических и правовых учений»

Политико-идеологическая доктрина большевизма: исследовательские подходы

Стариков Алексей Константинович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: alex.95.star@yandex.ru

Политико-идеологическая доктрина большевизма: исследовательские подходы

Стариков Алексей Константинович

студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, юридический факультет, Москва, Россия

E-mail: alex.95.star@yandex.ru

История большевизма как течения политической мысли получила разноречивое отражения в литературе. До 1917 года трактовки большевизма - элемент внутрипартийных дискуссий в РСДРП, позже большевизм стал основой доктрины мировой революции, воплощаемой в жизнь Коминтерном. В 1930-1940-х гг. трактовки большевизма - элемент легитимации власти Сталина, который в начале 1950-х подверг ревизии положение об отмирании государства по мере приближения к высшей фазе общественного развития. В конце 1950-х началась ревизия классического большевизма с изъятием его ключевого элемента - диктатуры пролетариата и обоснованием идеи общенародного государства, призванной укоренить представление о непосредственном строительстве коммунизма.

«Перестроечные» дискуссии представляли большевизм изводом цивилизационного раскола. Произведения вождей (Н. И. Бухарин, Н. Н. Суханов и др.), труды бывших «фальсификаторов истории» (Э. Карр, Р. Пайпс и др.), работы по эволюции советской государственности, бюрократии, вождизму раздвинули тогда рамки изучения истории большевизма времени революции и 1920-х гг. Концептосфера большевизма обогатилась выводами исследований, посвященных меньшевизму (И. С. Розенталь, С. В. Тютюкин и др.).

Перемещение внимания в область интерпретаций сталинизма меняло формат исследований. Данность начала XX века большевизм стал интересен способами опоры на нижние слои, сравнительными с другими тоталитарными режимами общественными функциями, механизмами социальной манипуляции, методами политического контроля.

В 1990-е годы большевизм в российской литературе предстал совокупностью особенностей советского режима с набором типических характеристик: непримиримость к политическим противникам, беспощадность к «отступникам» из своей среды, стремление к непосредственным максимальным результатам вне внимания к объективным условиям, подстегивание общественно-политических процессов, жажда разрушения «ста­рого» мира, отказ от авторитетов, нежелание считаться с законами «классической» политики.

Статья А. С. Ахиезера показала возможности другого интерпретационного подхода. Специфика большевизма, - отмечает автор, не исчерпывалась ориентацией на собирание, стягивание в одну точку всех тех, кто «за социализм» против тех, кто «за капитализм». Специфика эта и в том, что партия перешла к длительной осаде «отсталых»

представлений различных социальных групп, которые «должны были» идти по пути борьбы за социализм. Отсюда — попытки партии убеждать, агитировать, подталкивать разные слои в сторону «сознательности», т.е. к признанию ими доктрины партии как своей собственной. . .» [1, 14]

Подход Ахиезера подтолкнул к поиску критериев большевистской идентичности при том, что в центре дискуссий оставались социальные и идейно-психологические корни большевизма, персоналии.

Новизну большевизма времени «оттепели» впервые показал Г.З. Иоффе, отметивший, что в 1950-х гг. примат политической воли сдерживался выгодами экономической целесообразности, пониманием бесчеловечности «гулаговской экономики», заимствованием образцов национального экономического опыта, реанимацией царских традиций трудового «вольнонаемства» [2, 46]. Такая оценка соответствует определению «небольшевизм», приспособляющего советские представления о стране и мире к реалиям тех лет. Но насколько парадигма приспособления сопряжена с сознательным устройством новой системы с учетом уроков сталинского этапа, а также частичной реставрацией того, что существовало в 1920-е годы. Иначе - являлся ли социализм 1950-х гг. идеологией движения, и если да, то в чем проявлялись конкретно-политические функции «марксистско-ленинского» социализма 1950-х гг., в чем состояли политические параметры учения? На эти вопросы нет однозначного ответа. Поиски идут в разных направлениях.

Так, А.Н. Медушевский предлагает выявлять динамику большевизма с позиций внутренней мотивации его адептов - в рамках конфликтного соотношения идеологии и традиции по таким параметрам, как ценности, психологические установки, цели и средства их достижения [3, 114-126].

Другие авторы обращают внимание на колебания большевизма между адаптацией и традицией, предопределяющие характер изменчивости - способности системы к приобретению новых признаков.

Можно предположить, что изменчивость большевизма проявлялась в приспособительном и наследственном планах. В первом случае адаптивные перемены носили формальный характер, не затрагивали структуру системы. Что до наследственной изменчивости, то она опиралась на «новое прочтение» Ленина, имела в основании поиск «верного Пути». Манифестация возвращения к истокам, ленинскому наследию, очищению его от негативных последствий «культы личности», декларации о возврате к пути «Великого Октября» становились элементами легитимации режима. Опора на Ленина, переобоснование ленинизма выступало магистральной линией развития.

Анализ литературы показывает, что размывание пролетарского мессианства, модель общенародного государства, коммунистический конституционализм - признаки трансформации политико-идеологической доктрины большевизма в небольшевизм.

Источники и литература

- 1) Ахиезер А.С. Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1.
- 2) Иоффе Г.З. Подъем и падение большевизма // Наука и жизнь. 2005. № 7
- 3) Медушевский А.Н. Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // Общественные науки и современность. 2013. № 5.